

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
76/3 (2016), 785–801
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/3 (2016), 785–801
© Автор(ы) 2016

С.А. ФРАНЦУЗОВ. История Хадрамаута в эпоху древности (Серия «История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Том I – *Studia Yemenica*»). СПб., 2014. 336 с., илл.

Рецензируемая работа является фактически публикацией докторской диссертации С.А. Французова «Общество и государство в древнем Хадрамауте (начало I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.)», защищенной в 2010 г. Автор настоящей рецензии писал отзыв на автореферат представленной к защите диссертации, в котором высказал ряд критических замечаний, указал на некоторые фактические ошибки, надеясь на то, что если не все, то хотя бы часть из них будет учтена и исправлена при публикации диссертации. К сожалению, этого не произошло, поэтому я посчитал возможным опубликовать расширенный текст моих возражений.

Как заявлено в первой строке «Введения», «История Хадрамаута в эпоху древности рассматривается в настоящей работе прежде всего в социально-политическом аспекте» (с. 10). Сразу отметим, что работа С.А. Французова является поистине энциклопедическим трудом, базирующимся на громадном и прекрасно обработанном эпиграфическом материале, преимущественно оригинальном. Вряд ли в современной научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, посвященной древнему периоду истории этого государства, когда-то существовавшего в Южной Аравии, можно найти работу, сопоставимую по степени изученности материала, полноте его подачи, скрупулезности и обоснованности выводов, сделанных на основе его анализа. Особую ценность работе придает тот факт, что автор не ограничился изучением и анализом исключительно хадрамаутского материала, но при необходимости привлекал источники из иных районов древнейемениской цивилизации (Сабы, Катабана, Химйара), исследовал общие проблемы южноаравийской истории, палеографии и источниковедения. Тем не менее, отдавая дань эрудиции исследователя, его мастерству в изложении фактического материала и фундированности ряда выводов работы, хотелось бы остановиться на некоторых моментах, являющихся по крайней мере дискуссионными, а также на некоторых фактических ошибках и неточностях.

Отметим, что некоторые из высказываемых ниже замечаний не являлись бы таковыми, если бы не своеобразная авторская манера подачи материала, иногда страдающая, на мой взгляд, излишней безапелляционностью, когда те или иные положения подаются как постулаты, а некоторые вопросы – как давно и однозначно решенные¹. Особенно это касается археологических и нумизматических источ-

¹ Эта своеобразная манера выражается в первую очередь в обильном самоцитировании, часто превышающем, на мой взгляд, допустимые для академических работ пределы. Есть и более курьезные примеры. Так, на с. 162 С.А. Французов излагает как бы свою интерпретацию текста на бронзовой табличке CIAS 47.11/p8 no 1 = CSAI I, 126 из собрания Аденского музея и дает к ней примечание 384, где отмечает, что «сходное мнение высказал по этому поводу Кр.Ж. Робен». Далее следует цитата из работы этого автора в каталоге Парижской выставки. Кажется, что приличия соблюдены, однако напомним, что интерпретация Кр.Ж. Робена была опубликована в 1997 г., а мнение С.А. Французова – 17 лет спустя, поэтому логичнее все же было бы отметить, что это именно С.А. Французов высказал мнение, сходное с мнением Робена. В разделе «5. Городское и общинное управление в Хадрамауте: *кабиры* и *кайны*» главы II «Хадрамаут в I тысячелетии до н.э.: эпоха ранней древности» автор отмечает одну из характерных особенностей хадрамаутских текстов – отсутствие ссылок на родовую принадлежность авторов надписей: «Единичные ссылки на родовую принадлежность (вводимые относительным местоимением *d-*) начинают появляться в хадрамаутских текстах лишь в конце I тысячелетия до н.э.» и задается вопросом, «каким образом родовая структура была вторично привнесена в хадрамаутское общество?» Тут же высказывается предположение, что это произошло в результате длительных контактов с окружавшими древних хадрамаутцев полукочевыми племенами, у которых постулируется, вероятно справедливо, существование родоплеменной структуры. По

ников, в изучении которых автор монографии, как заявлено, не является специалистом (с. 18–19), однако позволяет себе широко их привлекать для обоснования своих выводов. К сожалению, в целом ряде случаев некритическое использование археологических материалов, а иногда и невнимательное чтение соответствующих публикаций, пренебрежение к содержащейся в них информации приводит к конструированию неких мифических схем, которые имеют мало общего с действительностью, хотя и используются в качестве решающих аргументов, якобы подтверждающих выводы автора.

Отмеченное нами обстоятельство не так безобидно, как это кажется на первый взгляд: фундаментальность работы С.А. Французова делает неизбежным ее использование в качестве «настойной книги» для будущих исследователей прошлого Южной Аравии, и не хотелось бы, чтобы содержащиеся в ней выводы покоились на сомнительном фундаменте. Не являясь специалистом по чтению и дешифровке южноаравийских надписей, т.е. сабеистом в классическом значении этого термина, автор настоящей рецензии все-таки внес определенный вклад в изучение археологии и нумизматики доисламской Южной Аравии, поэтому в дальнейшем я буду анализировать практически исключительно археологические и нумизматические материалы, использованные в работе, а также правомерность их интерпретации С.А. Французовым.

Сначала остановлюсь на некоторых мелких неточностях.

Материалы из раскопок в Шабве, столице древнего Хадрамаута, изданы уже в трех, а не в двух томах, как указано в работе (с. 14). Последний на сегодняшний день том отчетов увидел свет в 2009 г.², поэтому отсутствие упоминания о нем в списке использованной литературы вызывает недоумение, так же как и отсутствие важнейшей публикации материалов нового стратиграфического зондажа на городище Шабва³.

Вряд ли можно считать, что результаты раскопок Французской археологической миссии на восточнохадрамаутском городище Макайнун «оказались весьма значимы для изучения древней архитектуры Внутреннего Хадрамаута, причем не только храмовой, но также жилой и фортификационной» (с. 18). Действительно, французские археологи потратили много сил на исследование оборонительной стены этого единственного в вадии Хадрамаут укрепленного городища, однако храмовые комплексы как самого городища, так и всего древнего оазиса ими фактически не исследовались, а местоположение храмов определялось не на основании раскопок и не по архитектурным особенностям построек, а по фрагментам находимых в их руинах посвячительных надписей. Главный же итог исследований на городище Макайнун – получение материала для создания «стратиграфической колонки» керамики для памятников восточного вадии Хадрамаут, а также исследования по ирригации древнего оазиса.

При всем глубоком уважении к П.А. Грязневичу, вряд ли его следует называть разработчиком метода «комплексного анализа (надписей. – А.С.) с учетом археологического контекста, при котором наряду с обстоятельствами находки каждой надписи уделялось внимание истории того городища или объекта, откуда она происходит» (с. 20). Это банальные и общепринятые правила изучения и публикации надписей, которые существуют уже многие десятилетия, причем в сабеистике – по крайней мере с 40-х годов XX в., а не с начала 90-х, как указано у С.А. Французова (с. 21)⁴. У Петра Афанасьевича, столь безвременно ушедшего из жизни, много действительных заслуг перед арабистикой и сабеистикой, и вряд ли стоит ему приписывать мнимые.

Неверно замечание С.А. Французова о том, что только раскопки итальянских археологов на древнем сабейском городище в вадии Йала позволили «впервые применить радиоуглеродный анализ для датировки памятников эпиграфики» (с. 30). Автор работы либо забыл, либо почему-то не счел нужным упомянуть, что впервые датировки слоев, содержащих фрагменты керамических сосудов с южноаравийскими буквами, с помощью радиоуглеродного метода были получены американскими археологами в результате их работ на городище Хаджар Бин Хумейд в вадии Байхан⁵. Именно эта независимая от умозрительных палеографических хронологических схем датировка памятников эпиграфики и позволила впервые обосновать «существование письменности в древнем Йемене» уже в XI–IX вв. до н.э.

мнению автора, возможно происходит ее постепенная трансляция на оседлое население Хадрамаута. И далее следует поразительный словесный оборот: «Если принять эту довольно убедительную гипотезу...» (с. 116). Вообще-то оценивать убедительность твоей гипотезы – удел коллег и критиков, но никак не самого автора!

² Breton 2009.

³ Breton *et al.* 2007–2010, 11–66, 165–204, fig. 1–65.

⁴ Наиболее яркий, хотя и не единственный пример – публикация Г. Рикмансом надписей в качестве приложения к работе Г. Кэтон-Томпсон о раскопках храма Мазаб на городище около Хурайды в вадии Амд (Ryckmans 1944, 155–184).

⁵ Van Beek 1956, 6–9; 1969, 355–356.

Наличие «экспозиционных галерей» со стелами в хадрамаутских храмах (с. 43, примеч. 58) было выявлено не в 2004 г. при раскопках храма Васат(х)ан (Райбун VI), в которых С.А. Французов принимал участие в качестве эпиграфиста Российской комплексной экспедиции Института востоковедения РАН, а гораздо раньше – в 1987–1988 гг. при раскопках храма Майфа'ан (Райбун XIV)⁶. Да собственно говоря и перистиль храма Авам в Марибе, раскопанный экспедицией Американского фонда по изучению человека в 1951–1952 гг., также может рассматриваться как своего рода «экспозиционная галерея» с устанавливавшимися там на протяжении нескольких сотен лет посвященными стелами⁷.

Теперь следует остановиться на более серьезных недостатках работы.

Ярким примером легковесного и некритического подхода С.А. Французова к использованию и интерпретации археологических материалов являются его пассажи о захоронениях верблюдов в древнем Хадрамауте «в одной могиле с людьми». Более того, эти произвольно взятые и столь же произвольно интерпретируемые факты свидетельствуют, по его мнению, «в пользу предположения о переселении хадрамаутцев из восточных районов полуострова» (с. 68). Мне уже приходилось высказываться против подобной интерпретации археологического материала⁸. Судя по тому, что это не возымело действия, следует, вероятно, повторить мои основные возражения.

Сразу отметим, что доисламские захоронения верблюдов в Махре неизвестны. Что касается якобы существовавшего в древнем Хадрамауте обычая «захоронений верблюдов, иногда в одной могиле с людьми», то в данном случае речь идет о единственном (sic!) погребении 5 могильника Райбун XVII, исследованном мною в устье вади На'ам. Могильник в целом датирован временным промежутком от IV до XV в. н.э., причем указанное погребение отнесено к ранней хронологической группе, хотя и было указано, что его датировка, основанная на коллаговом анализе костного материала, «возможно, излишне заглублена»⁹. Вряд ли обнаружение единичного захоронения с достаточно «поздней» датой может служить одним из признаков того, что предки древних хадрамаутцев были связаны с Восточной Аравией – слишком большой временной разрыв (по крайней мере в полторы тысячи лет) между заявленной гипотезой и привлекаемым для ее доказательства фактом.

Что касается других верблюжьих захоронений в Хадрамауте (в пещерном некрополе Райбун XV и в «курганых» могильниках на южном джоле Хадрамаута) и их сопоставления с доисламскими верблюжьими захоронениями, известными в могильниках восточной части Аравии (оазис Млеха, ал-Мадам и др.), то вопрос не так прост, как кажется. Возможная связь пещерных некрополей земледельческого населения Райбунского оазиса, расположенных в склонах вади, с открытыми у их подножия ямными погребениями верблюдов исследована мною достаточно подробно и вряд ли может использоваться как аргумент в пользу восточноаравийского происхождения хадрамаутцев¹⁰. Захоронения же верблюдов на южном джоле Хадрамаута принадлежат, вероятно, кочевой части древнего общества, обитавшей вне пределов земледельческих оазисов и оставившей многочисленные могильники, до сих пор исследованные весьма слабо. Так же как и упомянутое подбойное захоронение с верблюдом из могильника Райбун XVII, они относятся, скорее всего, к совершенно иному культурному кругу памятников и должны рассматриваться в контексте доисламской и раннеисламской кочевой культуры Хадрамаута.

Предположение о захоронении верблюда вместе с человеческими останками в пещерном склепе ар-Рукба, что якобы следует из истолкования определенного выражения в надписи СОИКЭ 903, все еще остающейся не до конца дешифрованной и, главное, понятой (с. 164), вряд ли может быть принято. Отметим, что при раскопках пещерных склепов в Хадрамауте, ни около городища Шабва, ни в вади Амд, ни в Райбунском оазисе ни костей верблюда, ни костей других животных найдено не было. В склепе же ар-Рукба, где также отсутствуют кости животных, вопреки мнению С.А. Французова, судя по количеству обломков бедренных костей с сохранившимися дефизами, было захоронено не менее 10 индивидуумов¹¹.

Вряд ли Са'нун следует рассматривать как хадрамаутскую колонию в земле Са'калан (современный Дофар), аналогичную Сумхураму (с. 207, 214–215). На самом деле, это даже не торговая фактория, а всего лишь складской комплекс, предназначавшийся, вероятно, для сбора и временного хранения ладана, поступавшего сюда с плантаций перед отправкой его либо сухопутной дорогой в Шабву, либо в Сумхурам для последующей отправки морем. Здесь, неподалеку от естественного водного резервуара, открыты два небольших здания – одно размерами 3×5 м, вероятно святилище (отсюда и происходит каменная стела с посвященной надписью Ja 892, в которой упоминается храм Сайина

⁶ См. Sedov 1994, 249–269; 2005, 109–118.

⁷ См. Albright 1952, 25–38; LeBaron Bowen, Albright 1958, 222–231.

⁸ Sedov 2005b, 170–172.

⁹ Sedov 1996, 157.

¹⁰ Sedov 2005b, 170–172.

¹¹ Amirkhanov 1996, 158–161.

зу-Илима в Са'нуне), и второе, общими размерами 13×26,5 м, со складскими помещениями для хранения ладана (аналогичные складские помещения открыты в Сумхураме и Кана') и небольшой каморкой, предназначенной, вероятно, для охранников склада. Комплекс использовался, видимо, сезонно.

Довольно странным выглядит пассаж С.А. Французова о том, что «несмотря на встречающееся в “Перипле Эритрейского моря” утверждение о том, что остров Диоскурида, т.е. Сокотра, подчинялся царю Ладаноносной страны, т.е. Хадрамаута..., никаких археологических и эпиграфических данных, указывающих на существование реального политического контроля Хадрамаутского царства над Сокотрой, не найдено» (с. 226). Было бы неплохо узнать, какого рода археологические данные послужат для автора монографии доказательствами существования этого «реального политического контроля», коль скоро прямое свидетельство письменного источника его не устраивает? Обнаружение дворца наместника правителя Хадрамаута с рельефом, изображающим коленопреклоненного персонажа с соответствующей идентификацией «сокотриец»? Так и в подлинности подобного гипотетического памятника можно усомниться, как, например, это делает С.А. Французов, необоснованно подвергая сомнению подлинность надписей (имена южноаравийских богов), сопровождающих антропоморфные изображения на барельефах колонн некоего сооружения, по-видимому храма, недавно обнаруженные (и опубликованные) французскими специалистами в ас-Сауда' в области ал-Джауф и призывая к их некоей «серьезной экспертизе» (с. 155–156, прим. 354).

Еще более удивляют походя высказываемые С.А. Французовым сомнения в идентификации здания, раскопанного на объекте III городища Бир 'Али (древняя Кана'), как синагоги, что будто бы «основывается, главным образом, на интерпретации обнаруженной в нем... фрагментарной греческой надписи (правильнее граффито. — А.С.) некоего Космы» как иудейской, обоснованной Г. Бауэрсоком (с. 261–263). Данное суждение не совсем соответствует действительности: при публикации результатов раскопок мною было приведено, как кажется, достаточное количество архитектурных сопоставлений, позволяющих интерпретировать руины как «Поздней постройки», так и предшествующую ей «Раннюю постройку», как остатки разных типов синагог, попросту «не замеченные» С.А. Французовым¹². Возможно, это не «решающие археологические аргументы», однако когда имеешь дело с археологическим материалом, его интерпретация в подавляющем большинстве случаев не может считаться стопроцентно обоснованной. Замечу, что атрибуция раскопанного объекта как синагоги была поддержана специалистами по ближневосточной археологии, а интерпретация Г. Бауэрсока является практически общепризнанной¹³. Единственно, что можно сказать вполне определенно — руины раскопанных сооружений не имеют ничего общего с христианскими постройками, что, кстати, было отмечено и Г. Бауэрсоком¹⁴.

Представляется, что в данном случае плохую службу сослужило С.А. Французову желание найти «самое раннее эпиграфическое свидетельство появления христианской религии на юге Аравии» (с. 263) и он не принял во внимание сам текст граффито. Как убедительно показано ее первым издателем Ю.Г. Виноградовым и дополнительно подчеркнуто Г. Бауэрсоком, это сохранившаяся часть моления об удачном предприятии, скорее всего торговом, которое оставил в культовом здании, вероятно, некий негоциант, отнюдь не обязательно житель Хадрамаута, да и вообще Южной Аравии («заезжий иудей-одинок» по выражению С.А. Французова). Нет ничего невероятного в том, что главный торговый порт Хадрамаута посещался иноземными купцами различных конфессий и именно для их нужд в нем сооружались «нетрадиционные» культовые постройки. Что касается эпиграфических свидетельств достаточно раннего посещения Южной Аравии христианами, то вызывает удивление, что мимо внимания С.А. Французова ускользнуло еще одна знаменательная находка, сделанная в Кана' — дипинто на фрагменте амфоры с греческим именем Неапротос и обозначением конфессиональной принадлежности автора в виде креста. Фрагмент с дипинто найден в помещении 7 в здании на участке 6 вместе с материалом, относимым к ранним слоям так называемого «среднего» периода (ВА–II) городища Бир 'Али (древняя Кана'), датируемым II–III вв. н.э.¹⁵

Как и археологические, материалы нумизматические используются С.А. Французовым, что называется, из вторых рук, что также приводит к неточностям и ошибкам, часто — к довольно наивным заключениям, как, например, к выводу о слабости экономического потенциала Хадрамаута, что будто бы следует из чеканки здесь во II в. до н.э. — первых веках н.э. только бронзовых монет (с. 219). Экономическая мощь древних государств вряд ли напрямую зависела от того, какой стандарт был выбран для чеканки монет. В гораздо большей степени она зависела от уровня товарно-денежных

¹² Sedov 2005b, 335–337; 2010, 87–122.

¹³ См., например, Patrich 2011, 102–106; Tobl 2013, 349–356. Попытку дискуссии с интерпретацией Г. Бауэрсока см. в Bukharin 2009, 83–89.

¹⁴ Bowersock 1993, 8.

¹⁵ Chelov-Kovedjaev 2010, 397–398.

отношений, как, впрочем, и от многих других факторов. В Хадрамауте же именно обилие серий бронзовых монет, повсеместно находимых при раскопках на древних памятниках, свидетельствует о весьма развитых товарно-денежных отношениях в древнем обществе, по крайней мере не уступавших по уровню существовавшим в это время в Сабе, Катабане, Химйаре или Аксуме. Да и вопрос о металле хадрамаутских монет, особенно серий ранних подражаний, не так прост. Во-первых, находки на памятниках Хадрамаута серебряных монет серии *голова Афины/сова* с псевдогреческой легендой на об. ст. (тип 1. 1) (городища Шабва, Хаджар ал-Барира, Райбун I, крепость Мусайна'а в вадии Амд) свидетельствуют о том, что эти монеты здесь не только обращались, но и, безусловно, чеканились. Во-вторых, те немногочисленные анализы металла монет, которые удалось сделать в последние годы, свидетельствуют о том, что по крайней мере в I в. до н.э. – I в. н.э. в Хадрамауте выпускались и находились в обращении как чисто бронзовые серии с местной иконографией, так и серии, чеканившиеся или отливавшиеся из билона, сплава с большим (до 60%) содержанием серебра (такие же серии выпускались и обращались, кстати, в I–III вв. н.э. и в Химйаре)¹⁶.

Вызывает сожаление, что автору осталась неизвестной новейшая литература по нумизматике Южной Аравии, например два тома под общим названием «Coinage of the Caravan Kingdoms», изданных в сериях Американского нумизматического общества в 2010 г.¹⁷ В одном из этих томов значительно более обстоятельно и аргументированно рассматриваются вопросы, затрагиваемые С.А. Французом «мимоходом», – например, о золотых монетах, которые якобы «на территории Южной Аравии не чеканились и вплоть до середины IV в. н.э. в обращении не находились» (с. 194), что неверно¹⁸, или об обозначении номиналов монет буквами южноаравийского алфавита (с. 141)¹⁹. Можно, конечно, описывать изображение на об. ст. монет, приписываемых хадрамаутскому правителю Йашхур'илу, не как «орел... стоящий (?) на волнистой линии», а как «орел, терзающий змею», и добавлять, что «решительно и, на наш взгляд, совершенно правильно эту линию отождествил со змеей Кр.Ж. Робен» (с. 147, прим. 308), однако до тех пор пока в нашем распоряжении не появятся экземпляры с четким и однозначным изображением змеи в когтях орла, а не нечто невразумительное в виде едва различимой полоски под когтями стервятника, как описывал ее первый издатель этих монет Дж. Уокер²⁰, о подобной интерпретации следует писать лишь как о возможной.

Довольно привлекательным, хотя и слабо аргументированным, выглядит предположение С.А. Французова о существовании двух правителей Хадрамаута по имени Йашхур'ил, один из которых правил якобы во II или даже в конце III в. до н.э. и выпускал монеты с орлом на об. ст. (тип 4.0), а второй, известный под более пространственным именем Йашхур'ил Йухар'иш, сын Абийаса', носил титул *мукарриба* Хадрамаута и находился у власти в I или II вв. н.э. Именно этот «Йашхур'ил Второй» упоминается в надписях из Сумхурама (Ja 2883 = KR 8²¹; 10) и на оборонительной стене в вадии Либна (RES 2687) (с. 214–218). Строго говоря, данное предположение покоится на единственном аргументе – относительно недавно предложенной нами дате III–I вв. до н.э. для нижних слоев Сумхурама, в которых наряду с ранними хадрамаутскими подражаниями (серии *голова Афины/сова* с псевдо-греческой или хадрамаутской легендой на об. ст. – типы 1. 1 и 1. 2, серия *голова в лучах/крылатый кадуцей* – тип 3. 0) в изобилии представлены и бронзовые монеты серии *голова/орел* (тип 4. 0)²², которые еще Кр.Ж. Робен предложил относить к выпускам Йашхур'ила Йухар'иша, сына Абийаса', *мукарриба* Хадрамаута²³. Помимо радиоуглеродной датировки образцов угля из этих слоев, в качестве

¹⁶ См. Sedov 1995a, 62; Degli Espositi 2009; Chiarantini, Benvenuti 2013.

¹⁷ Huth 2010; Huth, van Alfen 2010.

¹⁸ Huth 2010a, 125–132.

¹⁹ Stein 2010, 303–343.

²⁰ Walker 1937, 261.

²¹ Отметим, что вопреки мнению С.А. Французова каменный блок с надписью Ja 2883 = KR 8 был найден не «на стене одной из башен комплекса городских ворот Сумхурама» (с. 215), а в завале у подножия одной из стен привратного комплекса, довольно далеко от башни городских ворот, строительству которой как будто бы и посвящена эта надпись. В отчете о раскопках Американской экспедиции фонда по изучению человека прямо указывается, что «Unfortunately, the wall at that point had been despoiled and the inscription fell to the pavement face up...» и «...on pavement where it fell from the gateway wall» (Albright 1982, 48, 87). Таким образом, ее первоначальное расположение в стене привратного комплекса вероятно, но не безусловно.

²² Классификацию монет древнего Хадрамаута с выделением серий и типов см. Sedov 2005b, 368–402.

²³ Отнесение этих монет к выпускам Йашхур'ила Йухар'иша, сына Абийаса', *мукарриба* Хадрамаута, известного по надписям, базируется исключительно на предположении Кр.Ж. Робена рассматривать легенду *Ys²h* на об. ст. этих монет как начальные буквы имени *Ys²hr 'l* (= Йашхур'ил), что весьма соблазнительно, но остается всего лишь догадкой.

подтверждения предлагаемой даты мы привели и имеющиеся параллели керамическому материалу, в том числе импортному, из достаточно хорошо датированных комплексов в Йемене (вади Хадрамаут), Индии и Средиземноморье²⁴. Новейшие результаты наших раскопок в Сумхураме позволяют внести существенные коррективы в выводы десятилетней давности. Удалось, как будто бы, вычлениить слои и связанные с ними постройки, относящиеся к «догородскому» периоду существования хадрамаутской колонии, т.е. к периоду до постройки мощных фортификационных сооружений, когда на этом месте располагалась небольшая, вероятно, неукрепленная торговая фактория, и предварительно датировать их в пределах III – I-й пол. II в. до н.э. Сооружение городских стен с монументальным комплексом городских ворот с башнями-бастionsами, жилыми зданиями и общественными постройками внутри этих стен, т.е. собственно Сумхурама в том виде, в каком мы его знаем, в таком случае должно приходиться на какую-то часть 2-й пол. II в. до н.э. или на самое начало I в. до н.э., а культурные слои с упомянутыми выше монетами, относимые к начальному периоду жизни города, должны как будто бы датироваться в пределах от 2-й пол. II в. до н.э. до I в. н.э. К сожалению, археологический материал не позволяет, во всяком случае пока, предложить более «узкую» датировку, однако учитывая тот факт, что типологически монеты с орлом на об. ст. (тип 4.0), определяемые С.А. Французовым как выпуски некоего «Йашхур'ила Первого», относятся к относительно более поздним сериям, нежели ранние хадрамаутские подражания, вряд ли стоит относить время его правления к периоду более древнему, чем I в. до н.э.

К сожалению, С.А. Французов не использовал для подтверждения своей гипотезы нумизматический материал, который, как нам кажется, существенно ее подкрепляет и уточняет. Дело в том, что в хадрамаутском монетном чекане имеется еще одна серия монет, на об. ст. которых помещена точно такая же легенда, что и на монетах серии *голова/орел* (тип 4.0). Речь идет о монетах типа 5.1 серии *голова в лучах/бык*²⁵. Изображение на л. ст. этих монет (голова в лучистом венце влево) стилистически явно восходит к сходным изображениям на монетах одного из типов ранних хадрамаутских подражаний (монеты серии *голова в лучах/крылатый кадуцей* – тип 3.0), тогда как тип об. ст. (стоящий вправо бык) становится преобладающим в хадрамаутском монетном чекане первых веков н.э. (типы 5.2, 5.3, 5.4, 6.1, 8.1, 8.2)²⁶. Кардинально меняется и технология изготовления – если монеты с орлом литые, то монеты последующих серий чеканились. Если мы по аналогии с монетами серии *голова/орел* (тип 4.0) будем считать легенду *Ys²h* на об. ст. монет типа 5.1 серии *голова в лучах/бык* начальными буквами имени *Ys²r'Il* и рассматривать ее как имя хадрамаутского правителя, эти монеты выпускавшего, то следует признать, что один и тот же правитель по имени Йашхур'ил совершил поистине «революционные» изменения в монетном деле Хадрамаута, кардинально поменяв иконографию и технологию изготовления выпускавшихся монет. Вероятно, вслед за С.А. Французовым более логичным будет предположение о существовании в Хадрамауте двух правителей, носивших одно и то же имя. В таком случае можно считать, исходя из стратиграфии монетных находок, что некий Йашхур'ил, известный по надписи Ja 2883 = KR 8, правил в Хадрамауте в конце II – I в. до н.э. Он выпускал монеты серии *голова/орел* (тип 4.0) и был одним из основателей Сумхурама (во всяком случае, именно во время его правления была сооружена одна из башен, башня Йазат'ан, привратного комплекса крепости). Второй же Йашхур'ил, вероятно Йашхур'ил Йухар'иш, сын Абийаса', *мукар-риб* Хадрамаута, выпускал монеты типа 5.1 серии *голова в лучах/бык*, по его приказу была сооружена оборонительная стена в вади Либна (надпись RES 2687) и он же сделал пожертвование в виде бронзовой чаши в храм Сайина зу-Илим в Сумхураме (надпись KR 10), возможно, при личном посещении этой хадрамаутской колонии в стране Са'кал(х)ан. Его правление приходится, опять же исходя из стратиграфии монетных находок, вероятно, на кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э.

Приведенными выше примерами количество ошибок и несуразностей при изложении и интерпретации археологического и нумизматического материала в монографии С.А. Французова не исчерпывается – мы указали лишь на некоторое их количество. Теперь же следует остановиться на «палеографической датировке» надписей Райбунского оазиса, будто бы установленной С.А. Французовым. Собственно, именно эта «датировка» составляет стержень как данной, так и других, более ранних работ автора²⁷, именно на ней базируются многие хронологические и историко-культурные построения, часто подаваемые как нечто бесспорное.

Во «Введении» многообещающе заявлено, что «при обращении к эпиграфическим памятникам... помимо их традиционного историко-филологического истолкования использовался метод их

²⁴ Avanzini, Sedov 2005a, 11–17.

²⁵ Sedov 2005b, 395.

²⁶ Sedov 2005b, 395–401.

²⁷ Frantsouzoff 2009; модифицированную версию этой монографии см. Frantsouzoff 2012.

комплексного анализа с учетом археологического контекста» (с. 20). В чем же проявился этот «комплексный анализ» и особенно «учет археологического контекста»?

Как следует из раздела 3 «От палеографической схемы Ж. Пиренн к разработке новых концепций относительной хронологии надписей» главы I «Письменные источники по истории древнего Хадрамаута: характеристика и классификация» (с. 32–38), С.А. Французов фактически принял схему Г.М. Бауэра, опубликованную в 1989 и 1995 гг.²⁸, правда, ее несколько модернизировав. Так, вместо существовавших в схеме Г.М. Бауэра четырех этапов «эволюции некоторых существенных палеографических [и] грамматических признаков рейбунских надписей»²⁹ С.А. Французовым было предложено выделить три «палеографических периода» (An I, An II и R.), определив (насколько можно понять – чисто умозрительно) для существования каждого из них временной промежуток в 200–250 лет (для относительно более позднего периода R. – 250–300 лет). Правда, одновременно утверждается, что «точность относительной датировки древнейших надписей (и, вероятно, хадрамаутских в их числе. – А.С.) на основе особенностей их дукта в принципе не может быть выше, чем полтора-два столетия» (с. 38). Кроме того, С.А. Французовым более детально, нежели Г.М. Бауэром, хотя и на основе предложенных Глебом Михайловичем принципов, были изучены пропорции «знаков на основании точных данных об их размерах» с введением так называемого «коэффициента пропорциональности (P)» и построением различных схем и графиков (с. 35)³⁰.

Основной вывод сформулирован следующим образом: «было установлено, что на протяжении как An. I, так и An. II, а также R. сосуществовало несколько палеографических стилей, одни из которых отличались широкими знаками, а другие – узкими» (с. 35). И далее: «Не следует абсолютизировать лингвистические критерии датировки (хадрамаутских надписей. – А.С.): по меньшей мере в четырех фрагментах, принадлежащих по палеографическим признакам к райбунскому позднему периоду (R.), зафиксировано употребление местоименного суффикса *-hw*, характерное для начальной фазы древнего периода. Речь идет о сознательной архаизации текстов, мотивы которой останутся не совсем ясными» (с. 37). Таким образом, единственным критерием, позволяющим разделять хадрамаутские надписи монументальным письмом на относительно более «ранние» (An.) и относительно более «поздние» (R.), является орфографический – полная замена знака *z* на передающий ту же фонему знак *š*. Отметим, что вывод об орфографической «реформе» был сформулирован уже Г.М. Бауэром³¹.

Несколько страниц монографии С.А. Французова посвящены «краткой» хронологии Ж. Пиренн и показу ее несостоятельности, выразившейся, в основном, в критике, вслед за А. Жаммом, как ее представлений о «позднем» появлении письменности в Южной Аравии (под влиянием древнегреческого письма не старше «века Перикла», т.е. в V в. до н.э.), так и ее представлений о том, что «изменения палеографии надписей происходили в строгой временной последовательности и что различные стили монументального письма, как правило, не могли существовать одновременно» (с. 26–32, 33). Замечания абсолютно справедливые, однако не следует забывать, что Г.М. Бауэр при разработке своей схемы эволюции палеографических особенностей райбунских надписей, т.е. той схемы, которую, модернизировав, заимствовал С.А. Французов, не отказался полностью от системы Ж. Пиренн. Более того, он попытался, правда, достаточно умозрительно, совместить ее с хронологической схемой развития южноаравийской письменности, предложенной Г. фон Висманном, выработав, по его выражению, ««согласительную» датировку» для выделенных им этапов. В результате датировка «палеографических этапов» Г.М. Бауэра выглядит следующим образом: I палеографический этап – от первой половины VII до сер. VI в. до н.э.; II, III и IV палеографические этапы – от промежутка между сер. V и сер. IV в. до н.э. («на выбор любую дату внутри отрезка между серединой V и серединой IV в. до н.э.») до рубежа II–I вв. до н.э.³² Приведенные нами даты, взятые из текста статьи Г.М. Бауэра 1995 г., не совсем совпадают с датами, приведенными в монографии С.А. Французова (с. 34) и взятыми из таблицы к статье Г.М. Бауэра 1989 г.: I этап – с VIII по VI (начало V) в. до н.э.; II этап – сер. (?) V–IV в. до н.э.; III этап – сер. (?) IV – нач. II в. до н.э.; IV этап – II–I в. до н.э.³³ Думается, что это разночтение имело для московского исследователя принципиальное значение – по мере углубленного изучения материала для него все больше становилось очевидным несоответствие между накапливавшимися археологическими датировками и предлагаемыми им «палеографическими датами» надписей, что буквально вынудило его отказаться от четкой фиксации абсолютной хронологии выделенных

²⁸ Bauer 1989, 153–157; 1995, 112–152.

²⁹ Bauer 1995, 125–126.

³⁰ Более подробно результаты этих исследований изложены в уже упоминавшейся монографии, изданной дважды – в 2009 и 2012 гг. (см. выше примеч. 27).

³¹ Bauer 1995, 126–127.

³² Bauer 1995, 143–144, табл. 3.

³³ Bauer 1989, 154, рис. 1.

им этапов. Одним из путей решения проблемы он видел в крайне осторожном подходе к абсолютной датировке отдельно взятой надписи на основании палеографических критериев не в последнюю очередь из-за того, что помимо сознательной архаизации допускал возможность параллельного бытования различных стилей письма. Именно поэтому хронологическая таблица в его статье 1995 г. имеет такой «гибкий» вид, когда абсолютные датировки этапов показаны взаимно пересекающимися фигурными скобками с пунктирными окончаниями. К сожалению, этого не увидел С.А. Французов, который, развив и достаточно детально обосновав идею сосуществования различных стилей письма, установил откорректированные им четкие временные границы бытования своих «палеографических периодов»: для Ап. I–VI – сер. V или нач. IV в. до н.э.; для Ап. II – сер. V или нач. IV – нач. или сер. III в. до н.э.; для R. – нач. или сер. III – кон. I в. до н.э.³⁴ Более того, в тексте своей монографии он неоднократно и достаточно безапелляционно оперирует и более узкими датами, будто бы установленными для тех или иных надписей на основании палеографии!

На мой взгляд, единственный вывод, который можно извлечь из палеографических штудий Г.М. Бауэра и С.А. Французова, – это невозможность использовать палеографические особенности райбунских (и шире – хадрамаутских) текстов для установления абсолютной хронологии отдельных надписей или групп надписей, особенно находимых вне археологического контекста, и, конечно, невозможность переносить эти гипотетические даты на памятники, из которых эти надписи происходят. В связи с этим небезынтересно проследить, каким образом автор рецензируемой монографии пытается использовать археологический материал и археологические датировки для обоснования якобы установленной им абсолютной «палеографической хронологии» надписей Райбуна, в целом относимых к I тыс. до н.э.

Наиболее ранние райбунские и, шире, – хадрамаутские, надписи С.А. Французов датирует VII в. до н.э., основываясь, вероятно, на существующих общих представлениях о палеографии южно-аравийских надписей, в первую очередь сабейских. Однако это чисто умозрительное заключение, так как конкретного сопоставления начертания букв в ранних райбунских (или хадрамаутских) и ранних сабейских надписей не приводится. Упоминание двух весьма «ранних», судя по археологической датировке, надписей монументальным письмом на фрагментах расписной керамики с городища Райбун (с. 69) не совсем корректно. Эти фрагменты керамической посуды происходят с поверхности городища и только по сходству формы сопоставлены с керамикой, отнесенной к этапу «Ранний Райбун», датируемого в пределах XII–VIII вв. до н.э. На основании стратиграфии в этапе «Ранний Райбун» выделены три последовательных периода, датируемых в том числе и на основании данных радиоуглеродного анализа: РБ – I (XII–XI вв. до н.э.), РБ – II (X–IX вв. до н.э.) и РБ – III (VIII в. до н.э.).³⁵ К какому конкретно из этих периодов относятся упомянутые фрагменты сосудов с надписями, сказать невозможно, однако само наличие букв монументального письма позволяет предположить, что наиболее ранние райбунские (и хадрамаутские) посвятельные надписи на камне могли появиться и ранее VII в. до н.э.

Единственными основаниями для определения абсолютной даты между надписями «древнего Ап.» и «позднего R.» периодов, по словам автора, «послужили наличие выявленного в ходе раскопок (sic! – А.С.) рубежа между Ап. и R., который приходится приблизительно на начало III в. до н.э. (вернее, на интервал между 400 и 250 гг. до н.э.), и отсутствие каких-либо археологически фиксируемых границ между тремя фазами Ап.» (с. 34). В своей монографии, изданной в 2009 и 2012 гг., в подтверждение этого тезиса С.А. Французов ссылается на мое мнение (в рецензируемой монографии уже отсутствующее) о времени последней перестройки храма Кафас/На‘ман (Райбун V), когда он приобрел планировку, выявленную нами в ходе раскопок. Каким образом временной интервал между 400 и 250 гг. до н.э., в течение которого, как это следует из серии радиоуглеродных дат, произошла последняя кардинальная перестройка храма, трансформировался в абсолютную дату рубежа между «палеографическими периодами», остается интригующей загадкой, так же как и то, что имеется в виду под «археологически фиксируемыми границами между тремя фазами Ап.»³⁶.

Несмотря на часто приводимые радиоуглеродные даты образцов из раскопок древних построек в оазисе Райбун, давших основной массив текстов, С.А. Французов практически не использует их для

³⁴ См. Frantsouzoff 2012, 54.

³⁵ Sedov 2005b, 94–97.

³⁶ Любопытно, что впервые подобная ссылка дана С.А. Французовым в его публикации надписей из храма Хадран на городище Райбун I (Frantsouzoff 2001, 37–38, п. 9), хотя во вступительной статье, приводящей описание результатов археологических исследований, мною прямо указаны начало IV – конец I в. до н.э. как период существования храма Хадран от времени его постройки до окончательного разрушения (Sedov 2001, 29). О датировке храма Кафас/На‘ман (Райбун V) см. Sedov 2005b, 231; Sedov, Vinogradov 2007, 22–25.

«независимой» датировки найденных при раскопках надписей, классифицированных в соответствии с выделяемыми им «палеографическими периодами». Думается, что это не случайно, ведь предлагаемая им «палеографическая хронология» противоречит и археологической стратиграфии, и археологической датировке, что, впрочем, неоднократно им было отмечено в монографии, изданной в 2009 и 2012 гг., да упоминается и в рецензируемой работе.

Отметим несколько «особенностей» райбунских надписей – в них отсутствуют даты или упоминания каких-либо правителей, они стандартны по формуляру и часто предельно лаконичны, да и обнаружены, как правило, в весьма фрагментированном виде. Обычно они вырезались на полированных известняковых плитках, снаружи и изнутри облицовывавших стены и цоколи сырцово-каркасных зданий, стены внутренних галерей. Наносились они и на каменные блоки, из которых сооружались скамьи, стационарные алтари, жертвенные столы, дверные пороги и ступени лестниц. Практически все надписи происходят из слоя разрушения храмов, образовавшегося после гибели поселений и храмовых комплексов оазиса, по всей видимости, в конце I в. до н.э., причем облицовочные плитки и каменные блоки с текстами различных графических стилей найдены вперемешку. В храмах Майфа'ан и Рахбан в этом же слое обнаружены и фрагменты достаточно многочисленных стел с посвященными надписями, многие из которых первоначально располагались, вероятно, в так называемых «экспозиционных галереях», фрагменты других «мобильных» предметов – таких как, например, каменные постаменты для вотивных металлических статуэток. Иными словами, для подавляющего большинства надписей приходится констатировать единые стратиграфические условия их находки, не позволяющие определить, даже приблизительно, относительную хронологию их создания.

Исключения немногочисленны, и одно из них – находка фрагментированной надписи Р6 I/83 = СОЙКЭ 518 = Raybun-Hadran 63 на обломке слива жертвенного стола из руин постройки, существовавшей до возведения храма Хадран и «инкорпорированной» в «тело» цоколя храма при его сооружении. Строго говоря, только эта надпись, отнесенная к периоду Ап. I³⁷, из всего корпуса надписей храма Хадран в количестве 458 экземпляров имеет независимую от «палеографической хронологии» дату – предмет, на который она нанесена, был изготовлен ранее начала IV в. до н.э. (предполагаемая дата сооружения цоколя храма на основании археологических материалов)³⁸.

Если «палеографическая хронология» упомянутой выше надписи как будто бы не противоречит ее возможной археологической датировке, то в иных случаях несоответствия более явные. Так, надпись Р6 XIV/90 no. 253 = СОЙКЭ 2568 из храма Майфа'ан по особенностям начертания букв датирована С.А. Французовым «последней фазой древнего периода (V–IV вв. до н.э.)» (с. 113). Однако радиоуглеродный анализ остатков деревянного обрамления ниши, в основании которой надпись была установлена, дает даты 2040±60 л.н. (образец Ле-4693) и 2030±55 л.н. (образец Ле-4697), что при 2 sigma калибровке определяет временной промежуток, в течение которого могла быть сооружена ниша, соответственно между 188 г. до н.э. ÷ 80 г. н.э. и 174 г. до н.э. ÷ 82 г. н.э.³⁹ Надписи, найденные in situ на облицовке стены галереи храма Майфа'ан и на скамье, пристроенной к ней, относятся, по С.А. Французову, к «начальной фазе древнего периода (Ап. I)» (с. 138–139)⁴⁰, т.е., вероятно, к VII–VI вв. до н.э. Стена этой галереи построена по той же сырцово-каркасной технологии, что и стены всех цокольных зданий Райбуна, и серия радиоуглеродных дат образцов сгоревшего деревянного каркаса позволяет сделать вывод, что ее сооружение должно приходиться на временной промежуток между серединой IV и III вв. до н.э. (калибровка этих дат дает еще больший временной разброс – 370÷54, 372÷154, 144÷116 гг. до н.э.)⁴¹.

Указанные противоречия разрешаются С.А. Французовым с необыкновенной легкостью – все надписи, отнесенные им к ранним периодам, но найденные in situ в сооружениях и конструкциях со значительно более поздними датами, объявляются «вторично использованными»! Если в случаях с вымостками полов культовых сооружений или «мобильными» деталями каменных конструкций, таких как, например, ступени лестниц, при ремонте которых могли вторично использоваться облицовочные плитки или каменные блоки с уже существовавшими на них посвященными надписями (как правило – во фрагментарном виде) из более ранних сооружений, этот аргумент еще

³⁷ Frantsouzzoff 2001, 106–107; 2012, 54.

³⁸ Sedov 2001, 29; 2005b, 236. К сожалению, ни в «палеографической хронологии» Г.М. Бауэра, ни в повторяющей ее «палеографической хронологии» С.А. Французова археологическая датировка этой надписи не послужила «отправной точкой» для определения абсолютных дат выделяемых ими палеографических этапов или периодов (см. Bauer 1995, 112–152).

³⁹ Sedov 2005a, 188–189. Это противоречие отмечено и самим С.А. Французовым (с. 113, примеч. 196), но ср. Frantsouzzoff 2005, 205.

⁴⁰ Также см. Frantsouzzoff 2005, 193–194, 208–209.

⁴¹ См. Sedov 2005b, 222–223.

как-то «работает», то представить себе, что райбунцы при капитальном ремонте или кардинальной перестройке своих храмов скрупулезно переносили в новые конструкции многострочные посвященные надписи, изготовленные несколько столетий назад, причем настолько аккуратно, что они выглядели «родными» для этих конструкций, весьма и весьма затруднительно. Напомним, что речь идет отнюдь не о единичных случаях, к тому же фиксируемых в постройках различных культовых сооружений Райбуна.

Райбунскими храмами, из которых происходит основной массив надписей, дело не ограничивается. Так, абсолютно неприемлема с археологической точки зрения «палеографическая датировка» С.А. Французовым VII–VI вв. до н.э. надписей с упоминанием Сайина и ‘Амма из жилого здания 6 на городище Райбун I (с. 159). Две из них, на каменных блоках, составлявшие, вероятно, один текст, были когда-то вмонтированы в кладку каменного цоколя здания, остальные были размещены на облицовочных плитках, украшавших когда-то внешнюю поверхность западной стены сырцового здания, возведенного на этом цоколе (найденны в слое разрушения). В соответствии с археологической стратиграфией городища Райбун I время постройки и функционирования здания 6 относится к этапу «Поздний Райбун» (периоды РБ–VI – РБ–VIII) и датируется временем от IV в. до н.э. до I–II вв. н.э.⁴² Даже если считать, что найденные надписи выполнены при строительстве здания, их датировка не может быть древнее IV в. до н.э. Это хорошо понимал издатель надписей А.Г. Лундин, когда писал: «Надписи практически одновременны, хотя не исключено, что более поздние намеренно архаизировались под уже существующие... Все надписи принадлежат к позднему периоду цокольной постройки», что «вступает в противоречие с палеографией текстов и показывает, вероятно, что палеографические критерии могут быть использованы для датировки лишь с большой осторожностью»⁴³.

Не лучше обстоят дела, когда С.А. Французов переходит к «палеографической датировке» памятников за пределами Райбунского оазиса и пытается рассуждать об абсолютной хронологии таких памятников, как городища Бир Хамад и Ба Кутфа (подчеркнем – не надписей с этих городищ, а самих памятников).

Начнем с того, что надписи с городища Бир Хамад были не собраны «в ходе рекогносцировки 1984 г.» (с. 46), а получены преимущественно от жителя соседней деревни Мубарака, оказавшегося дальним родственником Абд Ал Азиза Бин Акиля – члена Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ). Он добывал в руинах древних зданий известняковые облицовочные плиты для обустройства своего дома и дворовой территории. Именно эти надписи сотрудники СОЙКЭ зафиксировали, а часть коллекции вместе с бронзовой вотивной антропоморфной статуэткой была передана в Сайунский музей, где хранится и в настоящее время. Весьма странной выглядит формулировка С.А. Французова, что «данные... по их (надписям с Бир Хамада. – А.С.) относительным датировкам позволяют привязать существование этого поселения к интервалу с VII по I в. до н.э.» (с. 47). Более того, в примечании 74 к этому тексту указывается, что на основании «палеографической датировки» надписей «достаточно надежно существование этого поселения подтверждено лишь для временных интервалов VI–V и III–I вв. до н.э.».

Здесь все переставлено с ног на голову. Начнем с того, что датировка существования городища XII–I вв. до н.э., предложенная в моей статье 1995 г., базируется на анализе керамического материала, собранного как с поверхности городища, так и в небольшом стратиграфическом зондаже, заложенном нами в том же 1984 г., а также зачистке участка вымостки в руинах здания, предположительно определенного как храм, посвященный Зат Химйам (именно в этих руинах была найдена, по словам Мубарака, бронзовая вотивная статуэтка и серия надписей, в которых упоминается имя этой хадрамаутской богини). При зачистке была найдена бронзовая хадрамаутская монета из серии *голова/орел* (тип 4. 0), предположительно относимая к выпускам хадрамаутского правителя Йашхур’ила, что позволило установить «верхнюю» планку возможного существования городища (более подробно об атрибуции и датировке этой серии монет см. выше)⁴⁴. Таким образом, именно датировка городища на основании археологических и нумизматических данных позволила датировать весь массив найденных на нем надписей, а никак не наоборот.

О том, насколько надуманны и неприемлемы предлагаемые С.А. Французовым «палеографические датировки» археологических памятников, дает пример и его анализа надписей из храма Халс. Руины этого небольшого храма на окраине довольно крупного, протяженностью около километра, городища Ба Кутфа в восточной части вадии Хадрамаут раскапывались группой французский и йеменских археологов в течение четырех дней в марте 1979 г. К сожалению, в оперативно появившейся

⁴² См. Vinogradov 1996, 68–84; Sedov 2005b, 94–99, 185, табл. 1.

⁴³ Lundin 1996, 91.

⁴⁴ См. Sedov 1995b, 103–115.

публикации⁴⁵ не представлен массовый материал – керамика, на основании которой только и можно делать какие-либо выводы о хронологии памятника. Собранный нами в 2000 г. при посещении городища подъемный керамический материал (хранится в музее г. Сайун) позволил прийти к заключению, что типологически репертуар керамической посуды с этого памятника в целом совпадает с репертуаром керамики городища Райбун, относимым нами к периодам РБ–IV – РБ–VII (этапы «Средний Райбун» и «Поздний Райбун»), что и позволило определить время существования городища Ба Кутфа временным интервалом между VII и I вв. до н.э.⁴⁶ Весьма возможно, что «датировка надписей храма Халс, базирующаяся на современных представлениях о развитии южноаравийского письма, дает IV–I вв. до н.э.» и среди них полностью отсутствуют тексты, относимые на основании палеографии к древнему (Ап. I) периоду (с. 48), но при чем здесь дата основания и существования самого городища? Речь может идти лишь о датировке, и то гипотетической, корпуса надписей из одной из его построек, переносить же ее на весь памятник, как это делает С.А. Француз, неприемлемо.

Хронологические определения для памятников Хадрамаута на основании во многом мифической «палеографической датировки», предлагаемые С.А. Французом, не так безобидны, как это кажется на первый взгляд. Городище Ба Кутфа, например, является самым восточным из известных к настоящему времени древних земледельческих поселений в вади Хадрамаут и определение хронологических рамок его возможного существования непосредственно связано с вопросом о времени освоения древними хадрамаутцами долины на всем ее протяжении – от вади ал-Каср на западе до вади Масила на востоке. По С.А. Французу выходит, что это произошло не ранее IV в. до н.э., тогда как по моему мнению, и археологический материал это явно подтверждает, этот процесс имел место на значительно более ранних этапах существования государства Хадрамаут.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, на мой взгляд, о мудрости и правоте сабенистов старшего поколения, таких как А.Г. Лундин и Г.М. Бауэр, призывавших на данном этапе наших знаний с большой осторожностью относиться к в общем-то умозрительно построенным «палеографическим схемам» и особенно – к таким же умозрительным и во многом интуитивно постулируемым абсолютным «палеографическим датам». И уж, конечно, совершенно непозволительно использовать эту ничем, кроме убежденности исследователя, не подтвержденную «палеографическую хронологию» для датировки археологических памятников. Выход один – совместная работа археологов и филологов-сабенистов, скрупулезный палеографический анализ надписей из четких стратиграфических условий с достаточно «узкими» независимыми датами, как археологическими, так и, если это следует из текста надписи, историческими, и только на этой основе – построение «палеографической схемы» с «палеографической хронологией». К сожалению, пока единственный пример подобного подхода – работа итальянских археологов и французских эпиграфистов на городище Йала/ад-Дурайб в Восточном Хаулане⁴⁷. Этот же принцип был заложен в основу работы Советско-йеменской археологической экспедиции, начавшей в 1983 г. свои исследования в Райбунском оазисе⁴⁸. К сожалению, после первых сезонов успешной работы в дальнейшем его реализовать не удалось.

Хотелось бы остановиться еще по крайней мере на двух утверждениях автора, которые для него являются решенными, но на мой взгляд остаются весьма дискуссионными. С.А. Француз утверждает: «Хотя паводковое орошение и было необходимым условием появления на краю пустыни крупных земледельческих поселений, решающим фактором, способствовавшим переходу народов Южной Аравии к цивилизации и ее последующему расцвету, стала международная транзитная торговля благовониями и пряностями» (с. 62). Не вдаваясь в долгую дискуссию, отметим, что данное утверждение, восходящее к первым годам формирования сабенистики как науки, является весьма и весьма спорным. Во всяком случае, археологические данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что экономической основой (или, если угодно, «решающим фактором») для возникновения и развития древнейеменской цивилизации во всем ее обширном ареале являлось ирригационное земледелие. Именно на этой основе, но не на «транзитной торговле благовониями и пряностями», возникли и развивались древний Аусан, древняя Саба, и древний Катабан, и древний Хадрамаут. Отметим, что в южноаравийских надписях часто упоминаются войны за обладание городами и территориями земледельческих оазисов, но не торговыми путями. А в знаменитом «Торговом кодексе Катабана» речь идет почти исключительно о внутриаравийской торговле, но не торговле международной.

⁴⁵ Breton 1979, 185–202; Pirenne 1979, 203–241.

⁴⁶ О стратиграфии и датировке памятников оазиса Райбун см. Sedov 2005b, 65–99, 185–186, табл. 1–2. Отметим, что никакие «наложения» рамок «краткой» хронологии на «долгую» при датировке Ба Кутфы, мне приписываемые (с. 48), не имеют ничего общего с действительностью.

⁴⁷ de Maigret, Robin 1989.

⁴⁸ См. скрупулезное описание Г.М. Бауэром обстоятельств находки той или иной надписи при раскопках храмов Хадран и Рахбан в сезонах 1983 и 1984 гг. (Bauer 1995, 127–138).

Переоценивает, на мой взгляд, С.А. Французов и переориентацию «южноаравийских государств и их подданных с сухопутной на преимущественно морскую торговлю» в последние века 1-го тысячелетия до н.э. — начале 1-го тысячелетия н.э. (с. 189–191). Несмотря на существование (кстати очень немногочисленных) портовых городов и рыбацких поселений на побережье Аравийского и Красного морей, южноаравийские государства все-таки были ориентированы в своем развитии, что называется, «в глубь материка», и, повторюсь, основой их экономики и, соответственно, важнейшим фактором развития этой цивилизации было и продолжало оставаться ирригационное земледелие. Другое дело, что экономические, культурные и, вероятно, дипломатические контакты с гораздо более развитыми цивилизациями древности (Египет, Средиземноморье, Месопотамия, в какой-то степени Индия), как сухопутные, так и морские, существовали уже на ранних этапах древнейшей цивилизации и, безусловно, способствовали ее развитию (один из наиболее ярких примеров — возникновение монетной чеканки и монетного обращения в Южной Аравии⁴⁹), но вряд ли являлись его «решающим фактором».

В заключение хочу еще раз отметить, что, несмотря на высказанные замечания, работа С.А. Французова представляет собой фундаментальный научный труд, будирующий научную мысль и оживляющий научную дискуссию, без чего немислимо развитие науки.

А.В. Седов

* * *

В рецензируемой работе используются данные античных источников, привлекаются материалы как греко-римской, так и местной, древнеюжноаравийской, традиции по истории сложения и функционирования трансаравийских торговых путей. Эти сюжеты занимают в книге подчиненное место, и давать оценку работе в целом и, соответственно, судить о ее достоинствах, отталкиваясь только от уровня владения автором рецензируемой работы данными античных источников, было бы неверно. С другой стороны, данные «Перипла Эритрейского моря» составляют в значительной степени одну из основ хронологии древней истории Южной Аравии. Кроме того, при обращении к данным античных источников ярко проявляются те особенности исследовательского метода С.А. Французова, о которых говорилось выше применительно к археологическому и нумизматическому материалу.

Уровень владения С.А. Французовым материалом античной традиции не стоил бы и обсуждения — любой внимательный профессионал-исследователь следит за прогрессом в тех или иных областях, касающихся центра его собственных интересов. Опыт собственной научной работы (обычно) позволяет точно цитировать, избегать голословных суждений, осторожно выносить оценочные суждения, особенно тогда, когда собственная квалификация не позволяет этого сделать с полным основанием. Однако именно в этой связи книга представляет богатый материал для размышлений.

С.А. Французов обращается к данным «Перипла Эритрейского моря» — главного античного источника для исследования Южной Аравии. Автор выражает «некоторое удивление» (с. 54–55) по поводу предложенной мной датировки этого текста, восприятия его как «мемуаров», содержание которых покрывает полвека с лишним. Прежде всего, моя точка зрения передана неверно. На с. 246 говорится: «...а к 70-м гг. I в. н.э. — время составления мемуаров, подводящих итог его жизни и деятельности и передающих накопленный им опыт следующему поколению». Таким образом, в указанной работе не говорится о том, что текст датируется серединой I в. н.э., но что наиболее поздние данные относятся к 70-м годам I в. н.э. Неясно, что в этом удивительного. Едва ли предположение, что автор «Перипла» владел информацией, покрывавшей полвека истории нескольких регионов, может вызвать удивление. Что же делать с Геродотом и прочими античными историками, сочинения которых покрывали значительно больший период?

Весьма примечателен пересказ С.А. Французовым «моей» гипотезы относительно сведений «Перипла» о взятии неким цезарем приморской деревни «Счастливая Аравия»: «К тому же попытка истолковать сообщение о покорении цезарем приморской деревни Счастливая Аравия, отождествляемой с Аденом, одним (sic! — М.Б.) из эпизодов похода Элия Галла 26–25 гг. до н.э. (Бухарин 2007, 112–115), не выдерживает критики, в первую очередь потому, что ни в одном из источников нет сведений о том, что с этой кампанией были связаны какие-либо боевые действия на море» (с. 55). На с. 113 упомянутой работы в комментариях к «Периплу Эритрейского моря» я говорю именно о том же самом — в источниках нет сведений о боевых действиях римлян на море, и этот аргумент не работает, т.е. мне приписывается мнение, высказывавшееся ранее целым рядом исследователей, которое я же отклоняю. Неужели С.А. Французов не заметил этого?

⁴⁹ См. Sedov 2005c, 134–157.

На следующих страницах⁵⁰ мною дается предположительное объяснение тому, как история с покорением Счастливой Аравии могла появиться в «Перипле»: Элий Галл, действовавший по поручению Цезаря Августа, покорил (во всяком случае считал, что покорил) Счастливую Аравию – целый регион на юго-западе Аравийского полуострова, автор же «Перипла», знакомый с этой информацией, приложил ее к одному конкретному порту. Это же мнение было изложено и в других работах⁵¹. В результате С.А. Французов приписал мне мнение, которое я не высказывал, а опровергал, и буквально одной фразой расправился с очередным историографическим «миражом».

С такой же легкостью автор датирует и весь текст «Перипла» 40–50 гг. I в. н.э. (с. 55), совершенно игнорируя данные источника о политической обстановке в Западной Индии. Соответствие кодексов А и В «Малых греческих географов» также дается С.А. Французовым по «старой» схеме (с. 53) (в конечном итоге восходит к А). Заметим лишь, что в специальной работе, вышедшей, правда, после рецензируемой книги, это мнение опровергается⁵².

Поверхностность и невнимательность проявляются и в других случаях при обращении к другим сюжетам, в частности реконструкции трансаравийских торговых путей, соединявших Южную и Восточную Аравию, Восточное Средиземноморье и Месопотамию. Ограничимся еще лишь одним случаем, мимо которого в рецензии пройти довольно трудно. На с. 153 С.А. Французов пишет: «Странно, что аль-Барира полностью проигнорирована в недавно опубликованной монографии М.Д. Бухарина, одна из глав которой посвящена реконструкции (подчас откровенно надуманной) древних аравийских торговых маршрутов». Приведу отрывок из книги, которую столь «внимательно» прочел С.А. Французов (опустим подстрочные ссылки): «Перевалочными пунктами на этом отрезке караванного пути определенно являлись расположенные в Вади Джирдан городища аль-Бина' (14°16'28"N; 48°18'49"E) и аль-Барира. Помимо Шабвы, аль-Бина' (в 4 км к юго-востоку от деревни 'Айаз) и аль-Барира – единственные городища в Хадрамауте, окруженные стенами. Кроме того, в них была налажена собственная система ирригации... На то, что аль-Барира было важным торговым поселением, указывают находки монет. А.И. Древес сообщает о 31 находке, на которых еще можно разобрать легенды, и о трех десятках, на которых легенды уже не читаются. Среди находок обращает на себя внимание присутствие монет, отчеканенных в Шабве»⁵³. Боюсь, что столь странное заявление С.А. Французова и фактическое незнание «цитируемой» им работы основаны только на том, что аль-Барира по недосмотру выпала из индекса географических названий, а посмотреть сам текст моей работы С.А. Французов поленился.

С.А. Французову в целом свойственно давать «звонкие» определения: помимо «подчас откровенно надуманной» реконструкции (ошибочной – может быть, но это надо доказать), в работе встречаются «сомнительные» (почему?) аналогии (с. 194), «молодой» французский археолог (с. 99), который уже не очень-то и молод, да и определение это звучит как синоним к «дилетант». Заявления такого рода выходят за привычные рамки научной этики: та или иная оценка, тем более резко отрицательная, должна быть подкреплена основательными аргументами, а не просто тем, что *Magister dixit*!

Одним из источников для реконструкции истории «Пути благовоний» является минейская надпись RES 3022, анализ которой длится уже не одно столетие. С.А. Французов возражает против ее датировки временем VI Сирийской войны (170–168 гг. до н.э.), когда армия Антиоха IV Эпифана покорилась весь Северный Египет, на том основании, что эта попытка «лишена сколь-нибудь серьезных аргументов» (эти аргументы изложены не на с. 52–53, как указано С.А. Французовым, а на с. 52–55) и что она противоречит как «долгой» хронологии, «так и всему, что известно к настоящему времени о развитии палеографии южноаравийских надписей» (с. 32). Данный пассаж можно рассматривать как еще одно свидетельство веры С.А. Французова в силу палеографии при датировке тех или иных древнеюжноаравийских надписей. Выше уже приведен достаточно полный для журнальной рецензии анализ правомерности использования палеографического материала для датировки надписей. Попытка оперировать данным критерием для датировки надписи RES 3022 также обречена на провал, так как надежной непротиворечивой и достаточно подробной схемы, отталкиваясь от которой можно было бы датировать древнеюжноаравийские надписи, просто нет.

Трудно, конечно, сказать за самого С.А. Французова, что он мог считать «сколь-нибудь серьезным аргументом» для датировки этой надписи, однако лишь анализ политических событий в Египте и Восточном Средиземноморье может подсказать, какая датировка является наиболее правдоподобной. Проверить ту или иную гипотезу относительно датировки данной надписи «экспериментально» невозможно, любая высказанная точка зрения, во всяком случае, в данном вопросе может оказаться

⁵⁰ Bukharin 2007, 114–115.

⁵¹ Например, Bukharin 2012, 206.

⁵² Bukharin 2015, 37–59.

⁵³ Bukharin 2009, 211.

ошибочной. Однако отказ от той или иной датировки на том основании, что она не вписывается в предельно общую хронологическую схему, использование которой возможно только с большой осторожностью и едва ли применимой для датировки надписи, обнаруженной вне археологического контекста, является попыткой перевернуть методологическую систему научного исследования с ног на голову. Во всяком случае, хронология минейских надписей, относящихся к истории караванной торговли, выстраивается в работе, положения которой С.А. Французос оспаривает, следующим образом: сначала выдвигаются аргументы исторические и только затем они подкрепляются палеографическими⁵⁴.

Характерно, что и степень доверия к хронологической схеме Ж. Пиренн С.А. Французос склонен считать критерием для оценки степени глубины познаний в сабейстике (с. 33). Этот выпад в мой адрес особенно забавен уже потому, что сабейстом я никогда не был, а обращался к древнеюжно-аравийскому материалу «по необходимости» – там, где имели место точки пересечения с данными античной традиции.

Другим методологическим просчетом С.А. Французоса следует признать ошибочный подход к старой проблеме «горшков и людей» – присутствие одних вовсе не означает присутствия других. Тем не менее, автор высказывает упрек: «Следует отметить, что М.Д. Бухарин нигде в своих реконструкциях не ссылается на Вади Идим несмотря на то, что в древности оно было достаточно густо заселено. В южной его части локализовано городище Суна, где была найдена курительница с посвящением дочерям бога (Sūna/L/1)» (с. 177). Быть может, старый караванный путь и пролегал через Вади Идим. Однако едва ли будет оправдан такой вывод только на основании того, что на одном из городищ была найдена курительница. Даже если на городище Суна курили ладан, из этого предположения не следует, что там проходил караванный путь. Впрочем, и отрицать это предположение не имеет смысла, так как в данном случае мы вынуждены лишь предполагать.

Складывается ощущение (хотелось бы верить, что оно ошибочное), что автор стремился дать в книге ответы на все вопросы, которые встают перед исследователем древнего Хадрамаута, в том числе, опираясь и на античную традицию. Легкость, с которой автор «решает» многие из них, уместна, скорее, для зазорного водевиля, но не для серьезной научной монографии. Одна короткая снисходительная или пренебрежительная фраза, брошенная ex cathedra, никак не может заменить научной дискуссии, построенной на аналитическом разборе аргументов оппонента и корректно и уважительно изложенной. Попытка высказаться по каждому поводу совершенно не украшает работу С.А. Французоса: многие суждения не только легковесны, они неверны по сути, что влияет на общее восприятие работы.

Сами по себе недочеты, указанные во второй части рецензии, несущественны, ибо на основе античной традиции или анализе развития торговых путей истории древнего Хадрамаута не написать, основой в любом случае останется археологический и эпиграфический материал. Однако они выдают недостаток исследовательской культуры С.А. Французоса, и этот недостаток существенно влияет на многие другие выводы представленного исследования. Менее всего серьезная научная работа, каковой, несомненно, является рецензируемая книга, нуждается в таком подходе.

М.Д. Бухарин

Литература / References

- Albright, F.P. 1952: The Excavation of the Temple of the Moon at Marib (Yemen). *Bulletin of the American School of Oriental Research* 128, December, 25–38.
- Albright, F.P. 1982: *The American Archaeological Expedition in Dhofar, Oman, 1952–1953*. Washington, DC.
- Amirkhanov, Kh.A. 1996: Peshcherniy sklep ar-Rukba [Cave-Tomb of ar-Rukba]. In: A.V. Sedov, P.A. Gryaznevich (eds), *Gorodishche Raybun (raskopki 1983–1987 gg.). Trudy Sovetsko-Yemenskoy kompleksnoy ekspeditsii*. Tom II [Raybun Settlement (1983–1987 excavations). Preliminary Reports of the Soviet-Yemeni Joint Complex Expedition. Vol. II]. Moscow, 158–161.
- Амирханов, Х.А. Пещерный склеп ар-Рукба. В кн.: А.В. Седов, П.А. Грязневич (ред.), *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции*. Том II. М., 158–161.
- Avanzini, A., Sedov, A.V. 2005: The stratigraphy of Sumhuram: new evidence. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 35, 11–17.

⁵⁴ Bukharin 2009, 56–57.

- Bauer, G.M. 1989: Gorodishche Raybun po dannim epigrafiki [Raybun settlement according to the epigraphical data]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 153–157.
Бауэр, Г.М. Городище Райбун по данным эпиграфики. *ВДИ* 2, 153–157.
- Bauer, G.M. 1995: Epigrafika Reybuna (sezony 1983–1984 gg., obshchiy obzor) [Raybun epigraphy (1983–1984 seasons, general review)]. In: P.A. Gryaznavich, A.V. Sedov, (eds), *Hadramaut. Arheologicheskie, etnograficheskie i istoriko-kul'turniye issledovaniya. Trudy Sovetsko-Yemenskoй Kompleksnoy ekspeditsii*. Tom I [Hadramawt. Archaeological, Ethnological and Historical Studies. Preliminary Reports of the Soviet-Yemeni Joint Complex Expedition. Vol. I]. Moscow, 112–152.
Бауэр, Г.М. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор). В кн.: П.А. Грязневич, А.В. Седов (ред.), *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции*. Том I. М., 112–152.
- Bowersock, G.W. 1993: The new Greek inscription from South Yemen. In: J.S. Langdon et al. (eds), *To Ellenikon. Studies in Honor of Speros Vrynos, Jr. Vol. 1. Hellenic Antiquity and Byzantium*. Athens, 3–8.
- Breton, J.-F. 1979: Le temple de Syn d-Hlsm à Bâ-Outfah (République démocratique populaire du Yémen). *Raydân. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy* 2, 185–202.
- Breton, J.-F. (ed.) 2009: *Fouilles de Shabwa, IV. Shabwa et son context architectural et artistique du Ier siècle avant J.-C. au IVe siècle après J.-C.* Sanaa–Damas–Beyrouth–Amman.
- Breton, J.-F., Darles, Chr., Roux, J.-Cl. avec la collaboration de Cammas, C. 2007–2010: Une nouvelle stratigraphie à Shabwa, capitale du royaume antique du Hadramawt (Yémen), (XIIIe siècle av. n.è. – IVe siècle de n.è.). *Arabia* 4, 11–66, 165–204, fig. 1–65.
- Bukharin, M.D. 2007: *Neizvestnogo avtora «Peripl Eritreyskogo morya»: tekst, perevod, kommentariy, issledovaniya* [The Periplus of an Unknown Author: Text, Translation, Commentary, Investigations]. Saint Petersburg.
Бухарин М.Д. *Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования*. СПб.
- Bukharin M.D. 2009: *Araviya, Vostochnaya Afrika i Sredizemnomor'ye. Torgovie i kul'turniye svyazi* [Arabia, Eastern Africa and the Mediterranean. Trade and cultural connections]. Moscow.
Бухарин, М.Д. *Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье. Торговые и культурные связи*. М.
- Bukharin, M.D. 2012: The Coastal Arabia and the Adjacent Sea-Basins in the «Periplus of the Erythraean Sea» (Trade, Geography and Navigation). *TOPOI. Orient–Occident* 11, 177–236.
- Bukharin, M.D. 2015: Rukopisnaya traditsiya «Malykh grecheskikh geografov» (kodeksy A i B) [The Manuscript Tradition of the «Minor Greek Geographers (Codeces A and B)»]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 37–59.
Бухарин М.Д. Рукописная традиция «Малых греческих географов» (кодексы А и В). *ВДИ* 1, 37–59.
- Chelov-Kovedjaev, F. 2010: Un document de «petite» épigraphie des fouilles du site de Bir 'Ali (Qani'). In: J.-F. Salles et A. Sedov (eds), *Qani'. Le port antique du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1991, 1993–94*. Brepols, 397–398.
- Chiarantini, L., Benvenuti, M. 2013: The evolution of Pre-Islamic South Arabian coinage: a metallurgical analysis of coins excavated in Sumhuram (Khor-Rori, Sultanate of Oman). *Archaeometry* 24, 112–137.
- Degli Espositi, M. 2009: *Antica metallurgia a Sumhuram (Sultanato dell'Oman). Indagini archeometriche per la ricostruzione del quadro tecnologico*. Unpublished thesis. Bologna.
- Frantsouzzoff, S. 2001: *Raybūn. Hadrān, temple de la déesse 'Athtar^{um}/'Astar^{um}*. Avec une contribution archéologique d'Aleksandr Sedov. Fasc. A: les documents. Paris–Rome (IDIS 5).
- Frantsouzzoff, S.A. 2005: Epigraphic documentation from Hadramawt (Appendix III). In: A.V. Sedov. *Temples of Ancient Hadramawt*. Pisa, 193–216.
- Frantsouzzoff, S.A. 2009: *Raybun: nadpisi i lyudi (epigraficheskie pamyatniki, religioznaya zhizn' i sotsial'noe ustroystvo kul'tovogo tsentra drevnego Hadramauta* [Raybun: inscriptions and people (epigraphic documentation, religious life and social structure of a cult center of ancient Hadramawt)]. Saint Petersburg.
Французов, С.А. *Райбун: надписи и люди (эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута)*. СПб.
- Frantsouzzoff S.A. 2012: *K vostoku ot Adena. Oasis Raybun v I tysyacheletii do n.e. Epigraficheskie pamyatniki, religioznaya zhizn' i sotsial'noe ustroystvo kul'tovogo tsentra drevnego Hadramauta*. 2-e izdanie [East of Aden. Oasis of Raybun in the 1st Millennium BC. Epigraphic documentation, religious life and social structure of a cult center of ancient Hadramawt. 2nd edition]. St-Petersburg.

- Французов, С.А. *К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н.э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута*. 2-е издание. СПб.
- Huth, M. 2010: *Coinage of the Caravan Kingdoms. Ancient Arabian Coins from the Collection of Martin Huth*. New York (Ancient Coins in North American Collections. No. 10).
- Huth, M. 2010a: The Gold Coins. In: M. Huth, P.G. van Alfen (eds), *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetizations*. New York, 125–132.
- Huth, M., van Alfen, P.G. (eds) 2010: *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetizations*. New York (Numismatic Studies, 25).
- LeBaron Bowen, R., Albright, F.P. 1958: *Archaeological Discoveries in South Arabia*. Baltimore.
- Lundin, A.G. 1996: Nadpisi zhilogo doma na gorodishche Raybun I (zдание 6) [Inscriptions from the Dwelling House at the Raybun I Settlement (Building 6)]. In: A.V. Sedov, P.A. Gryaznevich (eds), *Gorodishche Raybun (raskopki 1983–1987 gg.)*. Trudy Sovetsko-Yemenskoy kompleksnoy ekspeditsii. Tom II [Raybun Settlement (1983–1987 excavations). Preliminary Reports of the Soviet-Yemeni Joint Complex Expedition. Vol. II]. Moscow, 85–94.
- Лундин, А.Г. 1996: Надписи жилого дома на городище Райбун I (здание 6). В кн.: А.В. Седов, П.А. Грязневич (изд.). *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.)*. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II. М., 85–94.
- Maigret, A. de, Robin, Chr. 1989: Les fouilles italiennes de Yala (Yémen du Nord): nouvelles données sur la chronologie d'Arabie du Sud préislamique. *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 255–291.
- Patrich, J. 2011: Bēt kēneset yēhūdī qādūm bē-ʿīr ha-nāmāl Qānī še-bē-Tēmān. *Qadmōniyyōt* 142, 102–106.
- Pirenne, J. 1979: L'apport des inscriptions à l'interprétation du temple de Bâ-Qutfah. *Raydān. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy* 2, 203–241.
- Ryckmans, G. 1944: Part VII: Epigraphy. In: G. Caton-Thompson, *The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramaut)*. Oxford, 155–184.
- Sedov, A.V. 1994: The Temple of Syn D-Mayf'n (Wadi Dau'an, Inner Hadramawt). *Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology* 1/2, September, 249–269.
- Sedov, A.V. 1995a: Two South Arabian coins from Mleiha. *Arabian Archaeology and Epigraphy* 6/1, 61–64.
- Sedov, A.V. 1995b: Bi'r Hamad: a pre-Islamic settlement in the western Wadi Hadramawt. Notes on an archaeological map of the Hadramawt, 1. *Arabian Archaeology and Epigraphy* 6/2, 103–115.
- Sedov A.V., 1996: Gruntovyy mogil'nik v vadi Na'am (Raybun XVII) [Ground Cemetery in the Wadi Na'am (Raybun XVII)]. In: A.V. Sedov, P.A. Gryaznevich (eds), *Gorodishche Raybun (raskopki 1983–1987 gg.)*. Trudy Sovetsko-Yemenskoy kompleksnoy ekspeditsii. Tom II [Raybun Settlement (1983–1987 excavations). Preliminary Reports of the Soviet-Yemeni Joint Complex Expedition. Vol. II]. Moscow.
- Седов, А.В. Грунтовый могильник в вадии На'ам (Райбун XVII). В кн.: А.В. Седов, П.А. Грязневич (ред.). *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.)*. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II. М.
- Sedov, A.V. 2001: Le temple de 'Athtar^{um}/'Astar^{um} Dhāt Hadrān: description archéologique. In: S. Frantsouzoff, *Raybūn. Hadrān, temple de la déesse 'Athtar^{um}/'Astar^{um}*. Avec une contribution archéologique d'Aleksandr Sedov. Fasc. A: les documents. Paris–Rome, 19–29.
- Sedov, A.V. 2005a: *Temples of Ancient Hadramawt*. Pisa.
- Sedov, A.V. 2005b: *Drevniy Hadramaut. Ocherki arkheologii i numizmatiki* [Ancient Hadramawt. Essays on archaeology and numismatics]. Moscow (Trudy Rossiyskoy arkheologicheskoy missii v Respublike Yemen. Tom III [Preliminary Reports of the Russian archaeological mission to the Republic of Yemen. Vol. III]).
- Седов, А.В. *Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики*. М. (Труды Российской археологической миссии в Республике Йемен. Том III).
- Sedov, A.V. 2005c: On the beginning of coin circulation in South Arabia. In: A.M. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds), *Sabaeen Studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Yusuf M. 'Abdullah, Alessandro de Maigret, Christian J. Robin on the occasion of their sixtieth birthdays*. Naples–Sana'a, 134–157.
- Sedov, A.V. 2010: Les fouilles du Secteur 3. La synagogue. In: J.-F. Salles, A. Sedov (eds). *Qani'. Le port antique du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1991, 1993–94 (Preliminary reports of the Russian archaeological mission to the Republic of Yemen. Vol. IV)*. Brepols, 87–122 (Indicopleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean, 6).

- Sedov, A.V., Vinogradov, Ju.A. 2007: Le temple Kafas/Na'man (Raybun V): description archéologique. In: S. Frantsouzzoff, *Raybūn. Kafas/Na'mān, temple de la déesse Dhāt Himyam*. Avec une contribution archéologique d'Aleksandr Sedov et de Jurij Vinogradov. Paris–Rome, 22–25 (IDIS 6).
- Stein, P. 2010: The Monetary Terminology of Ancient South Arabia in Light of New Epigraphic Evidence. In: M. Huth and P.G. van Alfen (eds), *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetizations*. New York, 303–343.
- Tobi, Y. 2013: The Jews of Yemen in light of the excavation of the Jewish synagogue in Qani' (poster). *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 43, 349–356.
- Van Beek, G.W. 1956: A Radiocarbon Date For Early South Arabia. *Bulletin of the American School of Oriental Research* 143, October, 6–9.
- Van Beek, G.W. 1969: *Hajar Bin Humeid. Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia*. Baltimore.
- Vinogradov Ju.A. 1996: Arkheologicheskie issledovaniya na uchastke zdaniya 6 [Archaeological Investigations at the Area of the Building 6]. In: A.V. Sedov, P.A. Gryaznevich (eds), *Gorodishche Raybun (raskopki 1983–1987 gg.). Trudy Sovetsko-Yemenskoj kompleksnoy ekspeditsii. Tom II [Raybun Settlement (1983–1987 excavations). Preliminary Reports of the Soviet-Yemeni Joint Complex Expedition. Vol. II]*. Moscow, 68–84.
- Виноградов, Ю.А. Археологические исследования на участке здания 6. В кн.: А.В. Седов, П.А. Грязневич (ред.), *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II*. М., 68–84.
- Walker, J. 1937: A New Type of South Arabian Coinage. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. 5th series. Vol. XVII. London–Paris, 260–279.

Alexander V. Sedov
The State Museum of Oriental Art,
Moscow, Russia
asedov@orientmuseum.ru

A.B. Седов
доктор исторических наук,
генеральный директор
Государственного музея Востока
Москва, Россия

Mikhail D. Bukharin
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
michabucha@gmail.com

М.Д. Бухарин
доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
76/3 (2016), 801–809
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/3 (2016), 801–809
© Автор(ы) 2016

H. TUMANS. Varoņi un varoņība Senajā Grieķijā. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2015. 896 lpp.*

Важным событием в научной жизни Латвии стал выход в свет весной 2015 г. книги профессора историко-философского факультета Латвийского университета Харийса Туманса «Герои и героизм в Древней Греции»¹. К сожалению, российским читателям это объемное издание (ок. 800 страниц основного текста) практически недоступно в силу малого тиража и того, что книга написана на латышском языке. Поэтому автор рецензии, помимо общей характеристики и критики, постарался кратко передать содержание книги (конечно, он вынужден был допускать некоторые упрощения).

Книга является итогом важного этапа научного пути Х. Туманса. Над ней он работал долго – более пяти лет, а о многих вошедших в нее сюжетах писал еще и до того, как у него возникла идея подготовить данную монографию. В ряде вопросов данное издание перекликается с предыдущим

* Автор рецензии выражает благодарность И.Е. Сурикову за помощь в ее подготовке.

¹ За подготовку этой книги Х. Туманса признали историком 2015 года в Латвии. См. *Izglītība un kultūra*, 10.03.2016, № 2. 2. lpp.; *Latvijas avīze*, 09.03.2016, № 48. 5. lpp.